

6. Мозговая Т., Черная И. Эвтаназия: желанная смерть или убийство // Сегодня. — 2002, 4 февраля.
7. Разан А. П. Концепт “жизнь” в произведениях американских поэтов-романтиков и реалистов // Функциональная лингвистика. Язык. Человек. Власть. Мат. конф. — Симферополь, 2001.
8. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен. — М., 1973.
9. Рыбакин А. И. Словарь английских фамилий. — М., 1986.
10. Collins English Dictionary and Thesaurus. — Glasgow, 1994.
11. Dauzat A. Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France. — Paris, 1951.
12. Kellerman J. Dr. Death. — N. Y., 2000.

Н. Г. Иванова

ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО В ФОНОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОНИМА-КОРРЕЛЯТА

Фоновое пространство представляет собой не очерченную четкими границами некую сумму экстралингвистических знаний. Если в тексте фиксируется отномастическое новообразование, то какой бы словообразовательной сложности оно ни было, сколько бы деривационных шагов ни отделяло его от исходного слова словообразовательного гнезда, идентификация его значения всегда начинается с исходного слова гнезда, то есть с онима, с имени собственного. Когда читатель выделяет оним из новообразования, он тем самым апеллирует к собственному довольно обширному багажу фоновых знаний.

Не любой оним избирается поэтом для образования нового слова, а лишь тот, который известен большинству представителей языкового коллектива. Обычно фоновое пространство таких имён собственных настолько знакомо, привычно, что без труда происходит переход от предварительной стадии экспликации к её началу.

Вне коммуникативного задания оним обладает имплицитной семантикой, состоящей из необозримого числа семантических сущностей, называемых пресуппозициями. Смысл пресуппозиции “основывается на предварительном опыте носителей языка, условиях, в которых протекает речевое общение, и в целом на знании говорящими и слушающими окружающей действительности” [6:57].

Взаимосвязь дискурса и релевантной пресуппозиции может быть прямой и непрямой. Прямая связь предполагает, что в фоновом пространстве онима, вернее, в его части имеются пресуппозиции, связанные с функционированием онима только в прямом значении.

Прямые пресуппозиции занимают главенствующее положение по отношению к переносным, или непрямым пресуппозициям, более того, не прямые пресуппозиции вырастают на основании прямых.

Метонимические отношения между прямой и непрямой пресуппозициями могут осложняться сопутствующими дополнительными переосмыслениями. Например, импликационные связи пресуппозиций (часть-целое) сопровождается конверсивная импликация оценочного значения. В стихотворении В. Шефнера “Сальери” говорится о том, что общепринятая, устоявшаяся точка зрения, будто Сальери отравил Моцарта, является в действительности лишь легендой:

Он Моцарта не отравлял,	Пусть небыль о мёртвом Сальери
Он был в своей Вене оболган,	Скорей порастает быльем —
Молвой осужден без суда,	Живут ещё в мире сальери,
Надолго, надолго, надолго, —	Живых мы, живых узнаём!
Но всё-таки не навсегда.	[8: 36-37].

Появление возможности конверсивной импликации в непрямой пресуппозиции, релевантной для новообразования сальери (мн.ч.) обусловлено несколькими степенями идентификации релевантной пресуппозиции онима Сальери. Дискурс “Он Моцарта не отравлял” делает релевантной пресуппозицию: “Ложно, что Сальери отравил Моцарта”. И если последняя сопровождается негативной оценкой, то пресуппозиция дискурса не только снимает отрицательную оценочность, но восстанавливает мелиоративное значение, связанное с творчеством Сальери.

Это значение имеется в таких, например, ядерных пресуппозициях фонового контекста онима Сальери: Сальери — талантливый, известный композитор, дирижёр, педагог; среди учеников Сальери были Л. Бетховен, Ф. Шуберт, Ф. Лист [7:1157]. В пресуппозиции, релевантной для новообразования, сохранятся мелиоративное значение: сальери — “талантливые, одарённые музыканты”.

Прямая и не прямая пресуппозиции онима могут быть связаны

метафорическими отношениями. Например, отмифонимические новообразование сезамисто в дискурсе: “дверь открылась царственно, сезамисто” [4:173], обусловлено непрямой пресуппозицией, которая в результате действия симилятивной связи образовалась от прямой: “Сезам — сказочная гора, в которой спрятаны несметные богатства”. Общая семантическая часть (сказочность) делает возможным появление непрямой пресуппозиции: Сезам — это всё, что сказочно, нереально, волшебно. Новообразование сезамисто как бы материализует, воплощает волшебность, являясь очень удачным поэтическим развитием фразы “Сезам, откройся!” из “Тысячи и одной ночи”. В этой фразе Сезам воспринимается как географический объект, в действительности никогда не существовавший.

Выбор релевантной пресуппозиции для экспликации новообразования, как мы отмечали, в конечном счёте всегда зависит от дискурса. Особенно ярко это наблюдается, когда создаются так называемые квазиоксюморонные сочетания:

Но скажу,	забираются в звёздный простор,
Колизей,	Но на зрителей и гладиаторов
без иронии —	Разделяется мир до сих пор.
Я от страха порой холодею.	Гладиаторов не обижу —
Только внешнее безнероние	Их жалею всей шкурой, нутром,
В мире этом —	Ну, а зрителей ненавижу,
сплошном Колизее.	В каждом зрителе жив Нерон.
Расщепляют, конечно, атомы,	[4: 379-380].

Прямая пресуппозиция онима Нерон (“Нерон — римский император, правление которого отличалось жестокими репрессиями”) на основе симилятивной связи (общая часть — жестокость) обуславливает появление непрямой пресуппозиции (“Нерон — жестокий человек, равнодушный к страданиям других людей”), которая входит в значение производящей основы -нерон-. Данную пресуппозицию сопровождает отрицательное значение, которое будто бы снимается антонимической семантикой форманта без-, но тут же восстанавливается дискурсом (внешнее безнероние). Квазиоксюморонное сочетание необходимо для появления экспрессивного значения в дискурсе.

Зачастую дискурса недостаточно для того, чтобы определить

непрямую пресуппозицию, релевантную для отономастического образования, — тем не менее экспликация семантики нового слова осуществляется без труда. В этом случае дискурс “перекладывает” часть своих функций на формант, словообразовательная семантика которого выполняет функции дискурса и для производящего онима и для экспликации нового слова, например:

Мне дорог Фет,	С тоскою натыкаюсь я
Хоть есть поэты лучше,	на кучи
Но,	Мурлыкающих сереньких фетят.
как на расплодившихся	
котят,	[3: 174].

Семантические компоненты “множественность”, “незрелость” форманта — ят(а) эксплицирует не прямые пресуппозиции, составляющие семантику новообразования фетята. Сема “множественность” обуславливает уместность производной пресуппозиции: фетята — те, кто подражает творчеству А. Фета, — которая связана метонимическими отношениями с прямой: Фет — известный русский поэт. Сема “незрелость” симулятивно связана с упоминавшейся не прямой пресуппозицией онима общей семантической частью “незрелость”. Таким образом, полная экспликация семантики новообразования поддерживается дискурсом и уточняется формантом: фетята — “те, творчество которых отличается незрелостью, подражанием Фету”.

Особого внимания заслуживают пресуппозиции двух онимов, которые слиты в одном новообразовании. Такие слова представляют большую редкость, так как: 1) образуются по окказиональному словообразовательному типу, 2) в их семантике пресуппозиции собственных имён вступают в сложные симулятивные отношения. Например, при помощи междусловного наложения создано оттопонимическое новое слово Евросима (Европа — Хиросима):

И увидит,
Нажав хиросимскую кнопку,
Новый майор Фирби,
Как превратится Европа
в мёртвую
Евросиму.
[5: 16].

Отношения прямых пресуппозиций онимов уникальны, так как подобны отношениям агента (Европа) и референта (Хиросима), представленных в элиминированном виде (Евро-, -росима). В новом слове представлены компоненты, необходимые для расшифровки симилиативной связи между пресуппозициями онимов. Поскольку такие слова отличает свернутость семантики, их поддерживает дискурс, в котором имеются “полные” онимы.

Если семантическая сжатость онимов достигает инициального типа, то отономастическое новообразование сопровождается образные, звуковые ассоциации, опирающиеся на графические: Отпевали сенатора ХХ, отпевали ещё живого... Он замученно улыбался, тёзка хохмы и тёзка века... (Примечание поэта: сенатор Хьюберт Хемфри был известен в Америке под инициалами Х.Х. Друзья, зная о его смертельной болезни, устроили званый ужин — прощание с ним) — [2: 98-99]. Сенатор ХХ — тёзка хохмы, тезка века (ХХ в.).

Определяя релевантную пресуппозицию онима, мы апеллировали к фоновому контексту, который известен читателю. Читатель был знаком с онимом, и звуковая сторона его была привычна. Но дискурс может быть построен с учётом знания онима. Он становится основанием, пружиной для порождения образных ассоциаций, связанных с онимом. “Чем непривычнее для нас слово, — пишет Д.Н. Шмелев, — тем заметнее становится его звуковой состав, тем чаще мы соотносим его с другими словами именно по звуковому сходству, разлагаем слово на звуковые отрезки, как-либо ассоциирующиеся со знакомыми нам единицами языка” [9: 202].

В стихотворении А. Вознесенского “Храм Григория Неокесарийского, что на Б. Полянке” наблюдаем омофоническую перестройку собственного названия, которое на основе звуковой ассоциации преобразуется в цепочку нарицательных обозначений:

Название “неокесарийский”	И ввёл подсолнух керосинный,
Гончар по кличке Полубес	И синий фон, лук серийный,
Прочёл как “неба косари мы”	И разрыв-травы в изразец.

[1:173].

“При установлении новых, не свойственных слову, как таковому, сближений, говорящие могут изменять звуковую форму слова, как бы “проясняя” его внутреннюю форму, а тем самым внося в слово дополнительные экспрессивно-смысловые оттенки” [9:203].

В зависимости от качества содержательных компонентов пресуппозиции делятся на ядерные (чаще всего это пресуппозиции энциклопедического и дефиниционного характера) и периферийные.

Фоновое пространство представляет собой гибкую структуру, которая может трансформироваться, актуализируя не только ядерную, но и самую “неожиданную” (с точки зрения внекоммуникативного задания) периферийную пресуппозицию.

Релевантная пресуппозиция содержит семантические компоненты денотативного и коннотативного плана.

Фоновое пространство привлекается при экспликации новообразования в том случае, если семантический коррелят последнего обладает индивидуальными значениями, которые не исчерпываются парадигматическими и синтагматическими связями данного слова и близки к экстралингвистическим ситуациям и оценкам.

1. Вознесенский А. Соблазн: Стихи. — М., 1978.
2. Вознесенский А. Дубовый лист виолончельный: Избр. стихотворения и поэмы. — М., 1975.
3. Евтушенко Е. Утренний народ: Новая книга стихов. — М., 1978.
4. Евтушенко Е. Избр. произведения: В 2-х т. — Т.1. — М., 1980.
5. Евтушенко Е. Мама и нейтронная бомба // Новый мир. — 1982. — №7.
6. Плотников Б. А. Основы семасиологии. — Минск, 1984.
7. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. — 3-е изд. — М., 1984.
8. Шефнер В. С. Северный склон: Книга новых стихов. — Л., 1980.
9. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики: На материале русского языка. — М., 1973.

Ю. О. Карпенко

АНТИЧНА МІФОЛОГІЯ ЯК ПОЕТИЧНА ЗБРОЯ

В українській літературі оніми античної міфології в більшій чи меншій мірі використовувалися завжди. Але по-різному. Якщо не торкатися давніших часів і почати від “Енеїди”, то там вона, входячи в сюжет твору, загалом висміюється, має знижене стилістичне забарвлення. Епігони І. П. Котляревського цей напрямок значно посилили, довівши його до абсурду. Пізніше традиційно високий сенс античних міфонімів почав повертатися. Нагадаємо хоча